

АГЕНТ

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

Специальный агент
ГЛАВНОЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

СМЕРТЬ В ДВУХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ

ТРИЛЛЕР, НАПИСАННЫЙ ВОЕННЫМ РАЗВЕДЧИКОМ

Александр
ШУВАЛОВ

Александр Шувалов
Смерть в двух экземплярах
Серия «Агент ГРУ»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24136905

Смерть в двух экземплярах / Александр Шувалов.: «Э»; Шувалов; 2016

ISBN 978-5-699-87722-5

Аннотация

Подполковнику ГРУ Станиславу Кондратьеву поручено найти и доставить в Россию секретное военное изделие, единственный экземпляр которого находится в одной из европейских стран. В свое время создатель этого прибора, российский ученый Арсений Нефедов, погиб при невыясненных обстоятельствах, едва успев объявить о своем изобретении. За изделием охотятся и ведущие спецслужбы Запада. Их агентура уже вышла на след секретной разработки. Кондратьеву предстоит сработать на опережение. Он приступает к выполнению задания, даже не подозревая, что ему отведена совсем иная роль, чем он предполагает...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	14
Глава 1	20
Глава 2	25
Глава 3	37
Глава 4	46
Глава 5	57
Глава 6	67
Глава 7	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

АГЕНТ
ГРУ

Александр Шувалов

Смерть в двух экземплярах

Пролог

Не открою Америку, если скажу, что Россия – глубоко духовная страна и всяк в ней живущий, или почти всяк, тонко чувствует и глубоко переживает. Что, спросите, чувствуют и по какому поводу терзаются душой? Каждого глубоко заботит свое, заветное.

Например, наши вожди страдают оттого, что им достался не тот народ. Не японцы, со своим нечеловеческим трудолюбием, и не северные олени, которые, как известно, совершенно самостоятельно решают вопрос о пропитании, добывая ягель на завтрак, обед и ужин, и при этом не ноют о ка-

ких-то там индексациях, тарифах и прочих социальных пакетах. Зато совершенно безропотно отдают пастырям шкуру и мясо. И рога, для тех, кому своих не хватает, собственных.

Демократы переживают оттого, что их время безвозвратно прошло, и халява закончилась. Обмелели молочные реки, куда-то подевались тазики с икрой, а к подъезду перестали подавать авто с мигалками. Только и остается теперь, что оплакивать ушедшие непонятно куда сладкие моменты и потихоньку сдавать в аренду бизнесменам под офисы свободные площади во всяких там Почтовых переулках.

Наша доблестная полиция искренне переживает от засилья преступного элемента. Борьба с ним отвлекает работников правопорядка от столь любимой ими коммерческой деятельности.

Творческая интеллигенция прямо-таки разрывается от невозможности создать хоть что-нибудь эпохальное и полнейшего нежелания работать. Поэтому только и остается, что шляться по презентациям и привычно суетиться лицом, изображая «совесть эпохи».

С олигархами отдельная история. Как следует нахав и наевшись вкусенького в четыре горла, они вдруг с ужасом поняли, что совершенно не представляют себе, чего бы такого прикупить к уже имеющемуся для комплекта. А еще им вдруг очень захотелось, чтобы ими восхищались. Когда же выяснилось, что сие невозможно, многие по-настоящему расстроились.

О народе говорить не будем, потому как он в отличие от всех остальных всяким там страданиям и душевным метаниям совершенно не подвержен. Может быть, из-за того, что народ в России постоянно занят... выживанием.

Чиновники... Как метко заметил один остроумный писатель, наш служивый люд ощущает серьезный дискомфорт от необходимости жить в той стране, которую так старательно грабит. Ездить, пусть и в машинах с мигалками, по хреновым дорогам, видеть из окошка все те же набившие оскомину пейзажи, встречаться ненароком взглядом с теми, кого шкуруешь, и ощущать их «искреннюю любовь». Насколько лучше было бы взять да проснуться в обычный будний день не в этой «рашке», а где-нибудь на Лазурном Берегу или в Лос-Анджелесе, штат Калифорния, вдохнуть свежий, чуть солоноватый морской воздух и вдруг всей душой и каждой клеточкой любимого организма осознать, что жизнь все-таки прекрасна, и она таки удалась. Так и живут в муках.

Леонид Михайлович в отличие от многих себе подобных стойко переносил факт проживания в России и никуда из нее съезжать не собирался. Все потому, что чиновником он не был. Уже не был. По статусу его скорее можно было отнести к вельможам, людям, прочно стоящим у руля. Как-то совсем недавно один из ему подобных в беседе с журналюгами назвал их «новыми дворянами» и при этом даже ни капельки не смутился. А чего, собственно говоря, стесняться? Такая жизнь: есть быдло, есть те, кто это быдло пасет и ставит в

стойло, а есть небожители, элита, кто руководит и направляет, держит в крепком кулаке и не дает разбрестись куда не надо.

Он высоко забрался, прочно устроился и собирался лезть дальше и выше, прямо к облакам. Был истинным патриотом и, если произносил слово «Россия», обязательно добавлял «великая». Демонстративно не шлялся по всяким там Куршевелям и Сардиниям, предпочитая отдыхать от трудов праведных на Валдае. В общем, как в песне поется: загорал в Сочи, рыбачил на Волге, в Ростове солдатом служил. Деньги, правда, предпочитал хранить за границей.

Рано или поздно у любого «слуги народа» возникает финансовый вопрос. Не в том смысле, где бы перехватить до полочки, а куда девать излишки. Почему-то у всякого чиновника в процессе бескорыстного служения Отечеству вдруг появляется много денег. Непонятно только, откуда. Когда они перестают помещаться в скромном служебном кабинете, их отвозят домой и хранят под кроватью или на антресолях. Потом они до упора заполняют собой жилплощадь, и вот тогда их относят в банк, желательно в иностранный. У нас в стране банки частенько сбегают неизвестно куда со всеми деньгами, еще они, бывает, лопаются. И вообще, подальше от лишних глаз положишь, на душе как-то спокойнее.

В то утро он, как всегда, приехал к себе, вознесся в персональном лифте на четвертый этаж и прошел в кабинет. Присел за стол, отхлебнул крепкого чаю из любимой кружки и

раскрыл газету. Проверил, на месте ли три рабочих маркера, красный, зеленый и черный. Маркеры, естественно, были на месте. Настало время работы с прессой, целый час, в течение которого хозяина кабинета никто и никогда не тревожил. И тут все вдруг пошло наперекосяк.

В дверь не то чтобы постучали, просто поскреблись. Раз, потом другой.

– Ну, кто там? – недовольно поднял голову от прессы хозяин кабинета.

В проеме двери показалось личико личного помощника. Удивленное и взволнованное.

– Леонид Михайлович, вам факс.

– Мне что? – опешил он.

Давно уже, лет десять, никто не слал ему, как какому-то начальнику ДЭЗа, факсы. Немногие вышестоящие звонили или присылали официальные бумаги с лощеными курьерами. Остальные, нижестоящие, привозили документы на подпись лично.

– Факс, – подтвердил помощник. – Пришел на секретариат.

– Откуда?

– Из... – Помощник назвал страну и банк.

– Давай сюда!

– Там все на английском...

– Я что сказал?! – рявкнул он.

Секретарь пискнул от страха, подошел на ватных ногах,

положил на краешек стола бумагу и испарился. Леонид Михайлович подвинул листок поближе и углубился в чтение.

Через пять минут он поднялся, подошел к бару в углу кабинета, налил не глядя половину стакана и залпом выпил. Потом вернулся за рабочий стол и взялся за телефон. Коротенько с кем-то переговорив, достал из кармана платок, вытер мокрое лицо и в полной растерянности проговорил:

– Черт знает что!

И действительно, произошедшее только так и можно было прокомментировать. Или даже чуть резче.

Дело в том, что Леонид Михайлович имел кое-какие деньжата, так сказать, скромную заначку на черный день. И хранил он их в одной тихой европейской стране, где в отличие от Швейцарии не производили ни часов, ни шоколада, зато банки там совершенно не уступали по надежности женевским, цюрихским или бернским и существенно превосходили их в плане конфиденциальности и священного трепета в отношении к клиентам. Недаром же там любили держать трудовые накопления нефтяные шейхи, президенты «банановых» держав и другая не менее почтенная публика. Ни разу за все время сотрудничества банк не давал повода усомниться в своей лояльности и высоком профессионализме. А тут вдруг такое...

Подписанный каким-то мелким клерком факс наглейшим образом извещал одного из привилегированных клиентов, что средства на его счетах заморожены и все банковские опе-

рации приостановлены. Объяснить причину этого хамства отправитель даже не счел нужным, зато в конце послания настоятельно порекомендовал в самое ближайшее время лично появиться в банке и ответить на некоторые возникшие вопросы.

Президент банка отвечать на телефонный звонок не стал, а какой-то его третий или четвертый зам вежливо, но решительно посоветовал ни в коем случае не затягивать с приездом.

– Это в ваших интересах, – сообщил он и, извинившись, отключился.

Через час с небольшим, когда Леонид Михайлович уже успел не только отдать распоряжение о приобретении билета на послезавтра, но и еще немного выпить и успокоиться, зазвонил телефон. Его личный мобильный, номер которого знали очень и очень немногие.

– Слушаю, – сказал он в трубку.

– Доброе утро, Леонид Михайлович, – произнес совершенно незнакомый голос. – Как дела?

– Кто это? – изумленно спросил хозяин кабинета и посмотрел на экран трубки: «Номер не определяется».

– Мы пока незнакомы, – заявил этот некто. – Но не сомневаюсь, что в самое ближайшее время познакомимся и подружимся.

– Вряд ли, – сухо бросил Леонид Михайлович и отключился.

Больше неизвестный нахал его не тревожил. Весь день, до самого вечера. А день был очень и очень интересный. Хотя бы тем, что министерство иностранных дел страны, в которой находился банк, вдруг взяло да и аннулировало въездную визу одному из наиболее уважаемых людей России. Без объяснения причин.

– Возникли определенные обстоятельства, – сообщил какой-то мелкий чин из министерства, с главой которого абонент был лично знаком. Соединить со своим шефом он отказался, мотивируя тем, что тот в данный момент играет в гольф с премьер-министром.

Вечером телефон опять зазвонил.

– Я слышал, – вкрадчиво проговорил неизвестный, – что у вас возникли некоторые проблемы. Хотите поговорить об этом? – Несмотря на то что он совершенно безукоризненно говорил по-русски, было ясно, что этот язык для него неродной.

Больше всего Леониду свет-Михайловичу хотелось прямо и без лишних церемоний послать его громко, от всей души и с переливами, после чего забросить трубку прямо в пылающий камин, но... Мало того, что перед ним реально замаячила перспектива лишиться очень приличных денег, вполне достаточных для приобретения парочки яхт класса «Пелорус» или «Алиша» и организации скромного банкета «для близких» по случаю обновки, возникла и реальная перспектива хорошенького скандала. Как известно, власть многое

позволяет своим скромным труженикам, но лишнего шума не прощает.

– Что вам угодно? – хрипло спросил он. Дурацкий, согласитесь, вопрос, и школьнику понятно, что в таких случаях бывает угодно.

– Мне? – расхохотался неизвестный. – Абсолютно ничего. – И продолжил деловито: – У вас, как я уже говорил, возникли проблемы. Могу помочь в их решении. Вам ведь нужна помощь?

– Да, – шершавым голосом ответил Леонид Михайлович.

– Отлично, – бодро ответил собеседник. – Предлагаю встретиться и кое-что обсудить. – И нагло добавил: – А заодно как-нибудь оформить наши отношения. Что скажете?

А что было сказать? Леонид Михайлович прекрасно понимал, что его вербуют. Даже не вербуют, а подвербовывают, как участковый приклатненного алкаша за бутылку водки.

– Я не расслышал, – повторил неизвестный. – Что скажете?

– Назовите место и время...

Мораль сей истории проста и незатейлива, как железнодорожное расписание, и, что самое главное, в подобную запросто может угодить любой находящийся на госслужбе ворюга. Так что храните деньги в сберегательной кассе, а еще лучше – постарайтесь не воровать, не «пилить» бюджет и не увлекаться «откатами». Тогда, глядишь, и мы, все остальные, проживем немного лучше, а самое главное – честнее. Это нелег-

ко, не спору, но, может, все-таки стоит попробовать, а?

Часть первая

*Бредя по жизни, как болоту, Увеча хилые умы,
Творя ослиную работу, Ослами становились мы...
Отрывок из стихотворения, обнаруженного автором
при раскопках Херсонеса. Перевод с древнехерсонесского
– его же.*

Скандинавия, конец лета, 2006 год

Он прошел, не снижая скорости, поворот и на выходе из него прибавил газу. Глянул в зеркало заднего вида – все без толку, расстояние между ним и преследователями не увеличилось, скорее даже наоборот. Машины у тех оказались ничуть не хуже, а водители – явно повыше классом, так что форы у него было не больше десяти минут.

Вообще-то он всегда старался не доводить дела до погони со стрельбой и беготней по крышам. Профессия шпиона по определению не предполагает излишнего пафоса и шумихи. Сделал свое «черное» дело и вали куда подальше, не прощаясь. Именно так у него и получалось все прошлые годы. Но не в этот раз.

Пошел дождь, он включил дворники и глянул на часы – пора.

Достал из бардачка телефон, по памяти набрал номер. По-

сле третьего гудка с ним соединились.

– Рад, что вы объявились. Доложите обстановку, – произнес безжизненный, почти механический голос на безукоризненном французском.

– Это я, – ответил он и тут же принялся нести какую-то ахинею, что интересно, по-русски. – Беда, ой, беда, обложили орла сизокрылого волки позорные, обрезали крылья орлиные...

– Продолжайте. – Собеседника, судя по всему, совершенно не удивило, что волки, оказывается, могут не только обкладывать орлов, но и резать им крылья. – Если можно, подробно и в деталях.

– Куда уж подробнее, – проговорил он, на сей раз уже спокойно и деловито. – Отлетался, говорю, орел, отпел свою песню орлиную. Общий привет! – И, отключив телефон, набрал комбинацию цифр и выбросил трубку за окно, самоуничтожаться.

За время этой интересной беседы преследователи приблизились еще больше и катили теперь метрах в ста пятидесяти. Он сбросил скорость и поехал, никуда уже не торопясь. Достал из бардачка сигаретку и с удовольствием закурил.глянул в зеркало: сзади тоже решили не форсировать события и замедлились.

Он остановился, потому что ехать дальше было некуда. Дорогу перед ним перегородил грузовик, пара микроавтобусов и несколько полицейских легковушек. Сзади повторили

маневр и тоже встали, перекрыв дорогу на случай, если он вдруг решит продолжить игру в «догонялки». А он не торопясь докурил сигарету и с полным презрением к общеевропейским ценностям выбросил окурочок в окно. Выключил мотор, вышел из машины и остановился посреди дороги, невысокий толстенький очкарик, затравленный и донельзя испуганный. Снял очки, протер пальцами стекла и водрузил их на прежнее место. Посмотрел на людей в полицейской форме и в штатском, наставивших на него оружие, тяжело вздохнул, поднял руки и пропищал:

– Я сдаюсь! Пожалуйста, не стреляйте!

Трое в штатском протиснулись между машинами и направились к нему. Молодые рослые мужики в одинакового покроя строгих костюмах. Похожий на викинга блондин слева, рыжеволосый здоровяк справа и черный как ночь африканец посередине, чуть впереди остальных, по всей видимости, старший этой троицы.

– Ваши руки... – проговорил он, доставая из кармана наручники.

– Да, сэр, – пролепетал толстячок. – Конечно, сэр... – И вытянул перед собой короткие пухлые ручонки.

Шагнул вперед и неожиданно резко пробил на скачке боковым слева. Абсолютно несерьезный с виду пухлый кулачок угодил в челюсть блондину. Удар тем не менее вышел на загляденье, блондин хрюкнул, ноги у него подкосились, потомок викингов медленно и печально опустился на асфальт,

разок дернулся и затих.

Толстячок подпрыгнул как мячик и еще раз пробил, на сей раз ногой, по коленному суставу рыжеволосому. И тут же добавил ему же, согнувшемуся от боли, сверху. По загревку и со всей дури. Опять подпрыгнул и, оказавшись напротив чернокожего начальника, вlepил ему ногой промеж ног.

Совершив все эти противоправные и абсолютно неполицорректные действия, он вернулся к своей машине, принял позу задержанного (ноги шире плеч, руки шире ног, голова на капоте) и стал терпеливо ждать, когда же его начнут бить.

То же время. Москва

Кабинет был не мал и не велик, а просто просторен. Дорогая и вместе с тем безликая офисная мебель, сейф в углу, портрет «гаранта конституции» на стене, прямо над креслом хозяина, и крупномасштабная карта со шторками – слева от его стола. Короче, скучно, безвкусно и абсолютно негламурно. Любой офисный дизайнер при виде этой пошлости и убожества обязательно бы нахмурился, томно произнес «фи» и предложил бы немного разнообразить общую картинку: разбить мини-поле для мини-гольфа в углу, развесить по стенам дипломы и сертификаты (пятьдесят у.е. штука, оптом – скидка) и обязательно присобачить икебану из мертвых цветов к крышке стола для посетителей. Впрочем, подобного рода стилистическая революция данному кабинету не грози-

ла, и шансов у любого офисного кутюрье оказаться в нем было ничуть не больше, чем у российских политиков научиться думать о собственном народе.

– ...Кандидатуры которых предлагаются... – Человек, сидящий за приставным столом по правую руку от хозяина кабинета, закончил доклад, достал из лежащей перед ним пачки сигарету и закурил. Около пятидесяти лет, неброско одетый, с плохо запоминающейся, зато хорошо забывающейся внешностью.

– А кого рекомендуете персонально вы, Павел Константинович? – Моложавый мужчина во главе стола, очень ухоженный джентльмен чуть старше сорока лет, слегка нахмурил лоб и привычно изобразил государственную озабоченность. – Дело-то, сами понимаете...

– Кондратьева, Всеволод Дмитриевич.

– Не знаю такого.

– Подполковник Кондратьев Станислав Александрович, 1964 года рождения. С 1983 года состоит у нас в кадрах. Пршел подготовку по программе «Притворщик»...

– Что-то слышал о таких.

– Провел свыше десяти операций самостоятельно и восемь в составе группы. Награжден девятью боевыми орденами. Смел, инициативен...

– Ну, это понятно.

– Оперативный псевдоним Скоморох.

– Почему именно Скоморох?

– Шутник, – лаконично ответил неприметный человек.

– Значит, шутник... Проваленные операции были?

– Две.

– Плохо... – Хозяин кабинета за всю службу не провалил ни одной операции. По той простой причине, что ни одной так и не провел. – Значит, Кондратьев... – хлопнул он ладонью по столу. – Пусть будет так. Под вашу ответственность, Павел Константинович.

– Так точно, под мою...

– Сколько времени этому вашему Скомороху потребуется на подготовку?

– Три дня, не больше.

Глава 1

Настоящий полковник

– Чай, кофе, сок? – Подошедшая ко мне стюардесса слегка склонилась и привычно изобразила на кукольном личике улыбку.

– Спасибо, ничего не надо, – отказался я.

Она ушла, даже не взяв под козырек и не щелкнув каблучками.

Совершенно, к слову сказать, напрасно, ведь в кресле перед ней сидел самый настоящий полковник. Может, просто не знала? Я, кстати, и сам узнал об этом только два дня назад, от собственного куратора.

– Две новости, Стас... – Он извлек из потрепанного портфеля лист бумаги, нацепил на несколько раз перебитый, сдвинутый к правому уху нос очки и прокашлялся. – Начнем с приятной...

– Начнем, – кивнул я.

– Приказ министра обороны Российской Федерации по личному составу. – Федор Сергеевич выдержал паузу и продолжил: – Присвоить подполковнику Кондратьеву С.А., войсковая часть... очередное воинское звание полковник. Тебе дали «ведро». Что скажешь?

«Ведро», «горшок», «мозги наружу», как только не извращались в непобедимой и легендарной советской армии, при-

думывая названия для папахи, знакового аксессуара немногих избранных, после долгих скитаний вплотную подошедших к узенькому ручейку, за которым раскидывается тучная нива с пасущимися на ней товарищами генералами. Самих свежеиспеченных избранных именовали не иначе как «бараны в баранах». В общем, завидовали. Российская армия, на весь свет объявившая себя правопреемницей советской, поднатужилась и родила еще одно название: «масхадовка», в честь одного деятеля, бывшего президента независимой Ичкерии. Президента давно уже грохнули и присыпали, а слово осталось.

– Не ожидал. Объясните, за что? – не особо кокетничая, спросил я.

Всегда считал, что нормальный офицер должен заканчивать службу майором, в крайнем случае – подполковником, ибо подполковник – это майор, которому повезло. Слишком уж часто для того, чтобы забраться повыше, приходится наступать на чьи-то головы, а это – не мое. Именно поэтому девять лет назад, когда на мои невидимые миру погоны спланировала вторая звезда, я решил, что достиг «потолка». И именно в то время меня вдруг резко приблизил к себе один из наших генералов. Этот дядя активно увлекся коммерцией и всерьез рассчитывал, что я за самое скромное вознаграждение займусь для него тем, что долгие годы вытворял за пределами страны. Мне, в свою очередь, это совершенно не улыбалось. Поэтому, получив высказанное в виде просьбы

задание «наказать одного очень нехорошего человека», просто-напросто «заболел» и лег в госпиталь. Генерал тонкий намек понял. После этого в моем личном деле и появилась некая «галочка», избавляющая ее обладателя от каких-либо, и всех сразу, забот о собственной карьере. Не стоит беспокоиться о том, что закончилось.

– Поздравляю. – Куратор подошел и протянул ладошку размером со штык совковой лопаты. – Хотя для меня лично ты по-прежнему подполковник. – Согласно старинной армейской традиции, любой, получивший очередное воинское звание, получает право именоваться им только после того, как зверски обмоет его с сослуживцами.

– Тогда я пошел. Готовь посуду.

– Куда это?

– Как куда, в гастроном, естественно.

– Не выйдет, – тяжело вздохнул он.

– Почему?

– Тебя отправляют в командировку, Стас, и это вторая новость... – Куратор застегнул портфель и встал: – Поехали.

– Интересно, куда?

– А то сам не знаешь, куда, – передразнил он. – За инструкциями.

...Все служебные квартиры до неприличия похожи одна на другую, как будто оформлением их занимался один-единственный специально обученный человек. Одна и та же ме-

бель начала восьмидесятых, обязательный протертый до дыр коврик в прихожей, телевизор марки «Рубин» и немецкая люстра с тремя рожками. Комод с разнокалиберной посудой, вешалка на стене у входа и прочая прелесть в виде продавленных диванов и кресел-развалюх.

Сначала нас минуты две рассматривали в телескопический глазок, потом приятный мужской голос спросил, кто мы такие и какого черта нам надо.

– Сотрудники районного военкомата, – честно, как на духу, ответил мой куратор. – Прибыли по вопросам службы.

Дверь распахнулась, на пороге стоял мужчина моих приблизительно лет, в дорогом коричневом костюме. За его спиной в прихожей поигрывал мышцами груди молодой атлет.

– Проходите, мужики, – широко, по-свойски улыбнулся господин в коричневом, тщательно запирая за нами дверь, – вас уже ждут.

Некто сановного вида в сером костюме, сидевший за столом в гостиной, посмотрел на часы, потом на нас и, нахмурившись, бросил:

– Опаздываете!

– Виноват, – по-ефрейторски гаркнул куратор и исполнил команду «Смирно! Равнение направо!» До указанного нам времени прибытия оставалось каких-то пятнадцать минут.

Я молча опустил глазки и по мере сил и возможностей изобразил искреннее раскаяние. Спорить с генералами, знаете ли, пошло и некрасиво, а этот человек, вне всякого со-

мнения, был-таки генералом.

– То-то же, – удовлетворенно молвил он, встал, подошел к нам и остановился.

Постоял немного, развернулся и треснул куратора по пузу. И тут же отлетел сам, как будто наткнулся на стену.

– Здорово, Сергеич! – вдруг заорал он и совсем не по-генеральски бросился к нему на шею. – Как ты?

– Нормально, Коля, – растроганно проговорил старый бандит и повел метровым плечиком. – Скриплю помаленьку.

Глава 2

О бедном доценте замолвите слово

Если честно, я совершенно всему этому не удивился. Мой куратор, полковник Кандауров, был и остается личностью, достаточно известной в Управлении, можно сказать, легендарной. Хотя бы тем для начала, что, несмотря на свои пятьдесят девять, состоит на службе и о выходе на покой даже не думает. Высокий, плечистый, без капли жира, о таких говорят – «железный». Классный спортсмен, он до сих пор без проблем демонстрирует на лыжне свою прямую спину многим молодым и рьяным. При случае может с любым из них постоять в спарринге или попытеть на борцовском ковре. Федор Сергеевич, для своих просто Сергеич, и за столом очень даже не последний человек. Вполне спокойно «усиживает» литра полтора сорокаградусной и не только покидает застолье на своих ногах, но и доставляет домой на богатырском плече в виде свернутого половичка кого-нибудь из конторских суперменов, накануне пьянки утверждавших, что их «вообще не берет».

О том, что он вытворял за рубежом, по Конторе ходят легенды, больше похожие на анекдоты. В конце семидесятых, например, взял да сбежал от сотрудников контрразведки Ее величества, ушел от них в горах Шотландии с вареной курицей под мышкой и полными карманами секретных докумен-

тов. Курицу Сергеич, естественно, по дороге слопал, а секреты доставил по назначению.

В первой половине восьмидесятых его сдали в Турции. Учитывая репутацию Кандаурова, брали его во время тайной операции достаточно жестко, не особо церемонясь. Один хрен ничего у них не вышло. Кандауров отбился и опять же сбежал, не забыв прихватить с собой извлеченный из тайника контейнер. Через неделю объявился на родине с развороченной физиономией и закладкой весом в полпуда.

Повезло мне с куратором, ничего не скажу. Пальцев понапрасну не гнет, жизни не учит. И в то же время с ним всегда можно посоветоваться, даже поспорить, попросить о помощи или накатить по полкило, если вдруг приспичит.

Закончив обниматься с ним, генерал подошел ко мне и протянул руку:

– Николай Семенович.

– Радкин Евгений Андреевич.

– Звание?

– Майор.

– А он не староват для майора? – подозрительно спросил генерал у куратора.

– Все нормально, Коля, – успокоил тот. – Женя у нас – один из лучших.

– Ну, если ты так говоришь... Рассаживайтесь, мужики, не стесняйтесь.

В гостиную вошли давешний джентльмен с английской

трубкой во рту и молодой атлет.

– Виктор Владимирович, – представился джентльмен, а атлет молча присел в углу в креслице.

– Выпьем кофе и начнем. Время поджидает. – Генерал Коля махнул рукой, атлет тут же вскочил и галопом бросился на кухню. – Итак, – продолжил генерал. – В...

...В некотором царстве, некотором государстве, в подмосковном оборонном НИИ трудился некто Арсений Нефедов. К сорока трем годам он достиг вершины собственной карьеры: заделался доцентом и получил должность старшего научного сотрудника. Многие из сверстников и бывших соучеников к тому времени уже вовсю командовали лабораториями, секторами или целыми НИИ. Ну и что, скажете, в науке блага и регалии распределяются исключительно по способностям, и будете, мягко говоря, не совсем правы. Во-первых, знакомства и связи всегда действовали в советской науке ничуть не хуже, чем в советской торговле. Во-вторых, что касается собственно способностей, то этого добра у Арсения было ничуть не меньше, чем у бывших соучеников, вместе взятых. Просто... просто сначала он занимался наукой ради самой науки, щедро подбрасывая идеи коллегам и охотно помогая им в их реализации, а затем все к этому привыкли и решили, что так и должно быть. Поэтому сильно удивились, более того, даже расстроились, когда Нефедов впервые спросил: «А как же я?» Со временем он все чаще и чаще стал задавать такого рода вопросы, в результате чего

прослыл скандалистом и вообще неудобным человеком.

В восемьдесят четвертом его изобретение было удостоено Государственной премии, которую и получил заведующий сектором института, зять академика и сам доктор наук в неполные тридцать пять. Сам изобретатель прошел в списке авторов в разделе «прочие» и был удостоен денежного вознаграждения в размере трех четвертей оклада. Нефедов пошел искать правду в верха, в результате чего выплата съежилась с трех четвертей до половины.

Рассердившись на советскую власть, Арсений законтачил было с диссидентами, но и там вышел полнейший облом. «Узники совести», те еще стукачи, между нами, просто-напросто заложили его куратору из пятого (идеологического) управления КГБ. Мятежного ученого вызвали куда надо и строго «профилактировали»: погрозили пальцем и пообещали перевести из подмосковного института в один из его филиалов, например, под Уссурийск.

В восемьдесят шестом от него ушла жена, к собственному научному руководителю, члену-корреспонденту Академии наук. В один прекрасный день Нефедов, придя домой, не обнаружил ни любимой супруги, ни ее вещей, зато нашел записку: «Надоело жить с неудачником». А еще она забрала почти новый телевизор. Можно подумать, что у члена-корреспондента не было своего.

Потом наступила демократия. Пришедшие к власти мальчишки шустро отзвонились в «вашингтонский обком» и, в

полном соответствии с полученными директивами, принялись громить отечественную оборонную науку. Институт, в котором трудился Нефедов, закрыли одним из первых. Арсений расстроился и засобиравшись в длительный запой. К его величайшему огорчению, имевшихся в наличии денежных средств хватило на две бутылки водчонки и буханку черного хлеба.

На второй день, когда он, давясь, опустошал последнюю емкость произведенной из отходов нефтепродуктов «хорошей русской водки», к нему пришли. Двое молодых улыбочливых парней, слишком правильно говорящих по-русски, чтобы быть русскими. Незваные гости угостили страдальца настоящим американским вискарем, не чинясь, выпили с ним, а потом предложили такое, что Нефедов проглотил залпом целый стакан импортного пойла и моментально протрезвел. После чего подписал все, что ему подсунули, не читая.

К слову сказать, совершенно напрасно. Выехав через пару месяцев из России, в обещанной ему Америке он так и не оказался. Его новый руководитель, в прошлом – не самый способный младший научный сотрудник из соседней лаборатории, по-дружески попросил его на полгода задержаться в одной крохотной стране Северной Европы, где ни шатко ни валко работал филиал крутого штатовского НИИ.

– Расшевели это гнилое болото, дружище, – сверкая недавно установленной металлокерамикой, сказал он. – Тематика тебе известна, думаю, проблем не будет.

– А нельзя ли... – робко проблеял Арсений.

– Все можно, но чуть позже. Я очень тебя прошу. – И он понял, что это скорее приказ, чем просьба.

Как известно, нет ничего более постоянного, чем временное. Нефедов так и остался в этой тихой сонной стране. Поначалу, конечно же, расстроился. Еще бы, крохотная квартира эконом-класса вместо обещанной виллы с бассейном, проездной на трамвай вместо лимузина и хилая шарага в заштатном филиале вместо целого направления при всемирно известном научном центре. В задачи так называемой лаборатории, которой его назначили руководить, входила доводка и мелкий ремонт произведенных в Штатах изделий. Этим они вшестером и занимались, сам Арсений, техник, лаборант и трое работяг, все выходцы из бывшего ВПК бывшего СССР. Работали, не особо напрягаясь, кстати, и платили соответственно.

Постепенно он свыкся со здешней сонной жизнью, успокоился, повадился ходить пить пиво после работы и даже отрастил небольшое брюшко. Завел приятелей по интересам и собеседников: техник и лаборант охотно сопровождали шефа в пивнушку, с вниманием слушали и даже поддакивали. Неудивительно, один из них в надежде на гринкарту регулярно «постукивал» американцам, второй не менее охотно делился информацией с сотрудником российской разведки всего за четыреста у.е. в месяц.

Нефедов прожил в этой вялотекущей летаргии почти де-

сять лет, пока в один прекрасный вечер к нему в голову не заглянула одна любопытная мыслишка. Дело происходило в любимой, знакомой до боли пивной, куда тесная компания заглянула освежиться после испытаний некоего изделия для нужд военно-морских сил, естественно, Made in USA. Что самое интересное, идея разработки этого изделия принадлежала лично ему, он подарил ее американцам много лет назад. Те, правда, поняли ее несколько по-своему.

– Дерьмо, – молвил техник, отставляя в сторону опустошенную емкость.

– Полнейшее, – согласился лаборант.

– Это точно, – поддержал коллег Арсений и присосался к бокалу. После съеденной в обед маринованной селедки, местного деликатеса, его мучила жажда. – «Чайники», – заявил он, опустошив половину емкости. – Бездари. Я бы на их месте... – И вдруг замолчал. Спавшие столько лет мозги вдруг пробудились и выдали на-гора приблизительную схему готового изделия.

Для того чтобы совершить открытие, Ньютону понадобилось получить яблоком по макушке, Архимеду – сходить в баню, Нефедову же вполне хватило нескольких жадных глотков светлого пива. Он вдруг осознал, каким должно быть то самое изделие, на изготовление которого высоколобые американцы с его подачи потратили несколько лет работы и кучу денег. Принципиально другим.

С тех пор Арсений принялся делать то, чем много лет не

занимался, то есть думать. Не торопясь, основательно и детально, как умел. А он, оказывается, до сих пор умел. Мозги работали четко и эффективно, как в лучшие годы, лишь изредка поскрипывая при перегрузках. Через год работа была завершена. В бумажном виде. Как все бывшие советские ученые старой школы, Арсений не очень дружил с компьютером и не доверял ему.

Он сразу же решил не делиться открытием с работодателями, в смысле, бесплатно не делиться. И те, прежние, и эти, нынешние, достаточно подоили его, ничего не предложив взамен. Теперь он рассчитывал взять реванш. В крупных купюрах.

Последующие несколько лет Нефедов потратил на опыты, а затем приступил к изготовлению самого изделия. В лучших русских традициях: из обрезков и на коленке, благо умел работать руками ничуть не хуже, чем головой, почти не привлекая к процессу подчиненных, хотя те подходили и сами предлагали помощь. В общем, трудился в гордом одиночестве. К слову сказать, Арсений вообще не верил в коллективное творчество, считая, что все эти «группы авторов» или, как сейчас модно говорить, «команды» создаются исключительно по причине творческой импотенции каждого отдельно взятого работника и панической боязни личной ответственности.

К весне 2006 года работа была завершена, а в начале августа того же года состоялись испытания доработанного и

улучшенного прототипа американского производства. Группа местных ученых и прибывшее из Штатов руководство вышли в море. Прототип опустили под воду... Через минут двадцать всем, даже координатору проекта, стало ясно, что день потрачен зря, и гораздо лучше было бы провести его на пляже.

– Хреново, Гриша? – Нефедов подошел к бывшему коллеге, а ныне представителю «центральной усадьбы». Тот нервно грыз антенну спутникового телефона, не решаясь набрать номер. Не требовалось оптического прицела, чтобы разглядеть тучи, сгущающиеся над головой этого эффективного менеджера.

– И не говори, обосрались мы с собой, Сеня, – тоскливо молвил тот, перекрестился и принялся набирать номер.

– Мы с тобой? – хихикнул тот. Все, блин, как раньше: руководство отважно принимает на себя ответственность за победы и щедро делится ею же в случае поражений. – Лично я пока еще нет.

– Что ты хочешь этим сказать?

И Арсений в двух словах объяснил, что конкретно.

Еще через сорок минут под воду ушел второй, корявенький с виду образец, а уже через час обозначился полный и безоговорочный триумф. Так и хочется рассказать о громовом «Ура!», бросании в воздух чепчиков и хоровом исполнении гимна понятно какой державы. Ничего этого, однако, не произошло. Присутствующие просто обалдели, вернее, о...

ли, есть такое слово в «великом и могучем», точно описывающее состояние крайнего удивления, переходящего в массовую потерю всяческого сознания.

– Какие мы с тобой молодцы! – заорал, немного придя в себя, менеджер Гриша и полез целоваться. – С меня поляна, – добавил он, доставая телефон и набирая номер, при этом отрывисто бросил: – Извини, старик, у меня конфиденциальный разговор. Прикажи поднять изделие.

– Рад бы, да не получится.

– Это еще почему? – Палец замер на клавиатуре. – Ты что, хочешь оставить его рыбкам?

– Потому, – посмотрел на свои старенькие именные «Командирские» Нефедов, – что пять минут назад изделие самоуничтожилось.

– Ладно, иди, потом поговорим.

Гриша позвонил куда надо. Кто надо, такой же, как и он, ни хрена в науке не понимающий эффективный менеджер, внимательно выслушал его, молвил: «Дас ист фантастиш» и распорядился доставить в Штаты образец и всю документацию.

– А как быть с тем, кто его разрабатывал? – поинтересовался Гриша, не забыв добавить: – Под моим личным руководством.

– На ваше усмотрение.

– Вообще-то он – не командный игрок.

– Тогда вопрос закрыт. – И абонент отключился.

Порозовевший улыбающийся Гриша подошел к бывшему коллеге и от полноты чувств хлопнул его по плечу:

– Молодец! Подготовь на завтра второй образец и всю документацию. Премия тебе светит, Сеня, и немалая!

– Не получится, не нужна, – лаконично ответил тот.

– Не понял.

– Объясняю, второй образец отсутствует. Вся документация здесь. – И постучал пальцем по лбу. Собственному лбу.

– Как это?

– Да вот так, – спокойно ответил Арсений. – Теперь о премии. Она мне на фиг не нужна, Гриша.

– Так чего же ты хочешь? – лихорадочно просчитывая в голове варианты, спросил тот. – Переехать в Штаты?

– Это я раньше туда хотел, а сейчас желаю продать то, что сделал.

– За сколько, интересно?

– Всего-навсего за полтора миллиона «зеленых».

– Уморил! – расхохотался Гриша. – Все, над чем ты работаешь, и так уже принадлежит USA. И ты сам им принадлежишь. Перечитай контракт. – И дружески похлопал так ничему и ненаучившегося лоха по спине. – Не дури, езжай к себе и приступай к работе.

– Увы! – развел руками в очередной раз «обутый» творец. – Не могу. Согласно тому же контракту, мой рабочий день окончен. Пока.

В тот вечер он как следует напился в привычной компа-

нии, потом расплатился за всех, попрощался и удалился во-
свояси. До дома, однако, так и не дошел.

Глава 3

Команда молодости нашей

– Если я правильно понял, его перехватили наши... – сказал Кандауров и умоляюще посмотрел на генерала. Тот милостиво кивнул. Мой куратор просиял, извлек из кармана пачку родных «Лаки Страйк» и с удовольствием задымил. – А второй образец был.

Генерал еще раз кивнул. Виктор Владимирович принялся набивать трубку, а я разжился табачком у собственного «вождя и учителя».

– Неправильно.

– Что?

– Понял, говорю, неправильно... – Генерал сглотнул, потряс головой и тоже полез за сигаретами. – В смысле, второй образец, конечно же, был, только никто этого гения не перехватывал. Он сам вышел на нас где-то за месяц до испытаний.

– Решил продать один и тот же товар двум купцам? – хохотнул Сергеич. – Ну, жук.

– Ни в коем случае. Сделку с нами он запланировал на случай неудачи со штатниками.

– На тех же условиях?

– Вот уж нет. Поначалу захотел пять миллионов и пост директора НИИ в Москве. Пришлось поторговаться. Сошлись

на двух с половиной и лаборатории в его же бывшем институте.

– Так его же закрыли.

– Точно, в девяносто втором закрыли, а через одиннадцать лет опять открыли. Послушай, старина, а почему это твой майор молчит и не задает вопросов?

– Он очень внимательно слушает.

– Тогда пусть слушает дальше, но уже моего зама. Мне, ребята, пора.

Генерал озабоченно посмотрел на часы, встал, еще разок обнялся с моим куратором, пожал руку мне и двинулся к выходу. Атлет, которого я счел порученцем и адъютантом, вместе с ним нас не покинул. Просто проводил его, запер дверь и ушел на кухню. Вернулся оттуда с полным кофейником, поставил его на стол и уселся сам.

– Предлагаю выпить еще кофейку. – Виктор Владимирович лично наполнил собственную чашку и принялся добавлять сахар. – Кстати, знакомьтесь. Денис, сотрудник нашего силового блока, капитан.

– Очень приятно, – наклонил тот голову, а мы с Сергеем удивленно переглянулись.

– Не будем отвлекаться. – Виктор Владимирович аккуратно отхлебнул из чашки. – Дальше случилось то, что и должно было... – затянулся и выпустил в потолок струю медового дыма.

Естественно, случилось. Через десяток часов о результа-

тах испытания узнал разработчик неудачного образца и, по совместительству, руководитель всего проекта. Как раз в тот момент он находился на отдыхе на одном из островов Тихого океана, восстанавливая научный потенциал методом растрачивания потенци в компании малолеток из числа аборигенов.

– Fuck! – проорал он, услышав новости. – Shit! – добавил к ранее сказанному и принялся в спешке натягивать брюки. – Fucking shit!!! – И распорядился немедленно доставить ему образец, всю документацию, а в первую очередь – самого разработчика.

За Арсением, в лучших традициях тридцать седьмого года, пришли под утро. Не обнаружив дома, перетряхнули всю квартиру, а затем и лабораторию. Вскрыли оба его компьютера, но ничего интереснее «стрелялок» с «убивалками» и набора картинок для «взрослых мальчиков» не нашли.

Дальше все как всегда. Была поднята на ноги вся американская резидентура. К делу подключили местную полицию, к слову сказать, не самую слабую в Европе. Та немедленно объявила местный «Перехват» и, на всякий случай, «Вихрь-антитеррор». Через день в припаркованном у Королевского музея «Арсенал» автомобиле был найден мертвый Нефедов. Само собой, ни образца изделия, ни документации при нем не имелось.

– Инсульт, – пояснил Виктор Владимирович.

– Нашему оперативнику сели на хвост тем же вечером, –

крякнул мой куратор. – Как это, интересно, у них получилось? Он что, все это время сидел рядом с тем самым авто, горько плакал и рассказывал прохожим о произошедшем?

– Ему удалось оторваться, – продолжил тот, – но через восемь часов его все-таки взяли. Изделия при нем не обнаружилось. Да, и еще, при задержании он нанес травмы троим местным сотрудникам, не пойму зачем.

– Лох, – сказал, как размазал, атлет Денис.

Мы дружно хмыкнули.

– Что? – удивленно спросил он. – Объясните.

– Проехали, – махнул рукой Кандауров.

– Мне тоже интересно, что вас обоих так развеселило, – с обидой в голосе проговорил Виктор Владимирович.

Старый волчара вздохнул, отхлебнул кофе и посмотрел на меня. Я пожал плечами. Что тут говорить? Понимающему человеку и так все ясно. А тот, кому не ясно, пусть идет в Библиотеку имени Ленина. Терпеть не могу заниматься ликбезом.

– Если не ошибаюсь, – я подлил себе еще кофе, – этот опер работал не от тамошней резидентуры.

– Конечно же, нет.

– Раз так, дипломатического иммунитета у него не было.

– Естественно, не было, а что?..

...Да ничего, блин. Это «паркетным» разведчикам с дипломатическим паспортом в кармашке абсолютно ничего такого не грозит при задержании. Ну, возьмут за жабры, отве-

зут в контору, угостят чайком-кофейком и зададут, со всей возможной вежливостью, несколько вопросов. А он в ответ будет как заведенный верещать о наглых провокациях спецслужб и требовать вызвать посла. Что самое интересное, его обязательно вызовут. Потом, конечно же, отпустят, объявят персоной нон-грата и вежливо попросят из страны. Все. А вот нашему брату, в дипломатах не числящемуся, приходится ох как сложнее. Если не получается сбежать по крышам или же через канализацию, задержат, причем жестко. А трести потом будут по полной, и судить будут, и срок дадут.

Сергеич украдкой показал мне кулак размером с два обычных. Я никак не отреагировал, потому что прокручивал в голове одну заглянувшую туда мыслишку. Тогда он прибег к запрещенному приему: посмотрел на меня глазами раненой газели и опустил кулак с отогнутым большим пальцем вниз. У древних римлян это означало отказ в помиловании, у нас так принято намекать, что при разливе будет учтено.

– Этот опер поступил совершенно правильно... – высказался я.

– Да ладно! – хмыкнул Денис, и мне это не понравилось. Не люблю, знаете ли, того, чего не понимаю. А непонятно мне было, кто дал разрешение этому красавчику лезть в разговоры взрослых.

– Я все-таки продолжу.

– Да-да, конечно, – кивнул Виктор Владимирович и уко-

ризенно глянул на юного нахала. Тот сделал вид, что смутился.

– По законам страны пребывания, любой совершивший на ее территории преступление ни в коем случае не подлежит выдаче другому государству. Следствие ведут местные органы, рассматривает это дело местный суд, и наказание он отбывает обязательно в тамошней тюрьме.

– То есть... – Виктор быстро въехал в ситуацию.

– Совершенно верно. Вы же сами сказали, что ни изделия, ни документации не обнаружили, а разного рода подозрения к делу не пришьешь. Поэтому нашего парня будут судить только за сопротивление представителям органов правопорядка и нанесение им ущерба для здоровья разной степени тяжести. Таким образом, ни в Гуантанамо, ни в какую другую тайную тюрьму ЦРУ он не попадет. Получит свой срок, думаю, от пяти до семи, и полетит белым лебедем на отсидку.

– Хотите сказать, что американцы его даже не допросят? – опять влез Денис.

– Ну почему. Думаю, им разрешат задавать вопросы в ходе следствия.

– Вот видите!

– Но... поработать жестко и со спецсредствами у них не получится.

– Уф-ф-ф! – облегченно выдохнул Виктор Владимирович.

– Так что года через два – два с половиной ваш опер будет

дома.

– Не наш... – начал было прекрасный юноша и тут же осекся.

– Как это через два? – удивился Виктор.

– Элементарно. Сначала он проведет пару лет на строгом режиме в комфортабельной камере с евроремонтom, телевизором, душем и Интернетом. Потом за хорошее поведение его переведут на облегченный режим. А он, ко всему прочему, предполагает ежемесячный суточный отпуск. Выйдет он в город, сядет на паром или в автобус и очень скоро будет уже в Швеции. А там...

– Отлично! – искренне обрадовался Виктор Владимирович. – Значит, с этим все в порядке. Теперь давайте поговорим о вашем задании.

– Давайте, – обреченно согласился я.

– Вашей группе предстоит...

– Какой еще группе?

– Вам и Денису.

– А зачем мне Денис?

– Буду следить за тем, чтобы вас не обидели, – скромно проговорил юноша и красиво поиграл мышцами спины.

– Следите из Москвы через телескоп, – грубо отрезал я. – Всегда работаю в одиночку.

– Не обсуждается, – решительно заявил Виктор свет-Владимирович, – решение принято. – И поднял глаза к потолку.

Я умоляюще посмотрел на Сергеича, но тот лишь виновато

то развел руками.

– Итак, вам предстоит разыскать изделие и доставить его в Россию.

– Всего-навсего, – не удерживались, хмыкнул я.

– Изделие и документация находятся внутри металлического тубуса, примерно тридцати сантиметров в диаметре, длиной около восьмидесяти пяти сантиметров и весом не более четырнадцати килограммов.

– Нехило!

– И поаккуратнее. Внутри тубуса вмонтирован самоликвидатор. Обязательно сработает при некорректном вскрытии.

– Понятно, – голосом смертельно больного проговорил я.

– Да не парься, Женя! – воскликнул Денис. – Все будет нормалек!

Когда-то давно, в Афгане, где я полгода был заместителем командира разведвзвода, меня научили ставить на место слишком борзых ребят. Без лишних слов, молча, одним только взглядом.

– Зачем же так официально, Денис, – по-доброму улыбнулся я. – Нам же вместе работать. А потому называйте меня просто «товарищ майор» и, перед тем как обратиться, обязательно спрашивайте разрешение. Дисциплинарный устав, верите ли, никто пока не отменил.

– Разрешите обратиться, товарищ майор? – взвился он.

– Не разрешаю, – отрезал я и, повернувшись к его старше-

му коллеге, продолжил: – Отправьте его в магазин, пусть купит что-нибудь из одежды на пару размеров побольше. В той стране он должен выглядеть как обычный парень с улицы, а не «руссо бандито» или «рука Москвы».

– Я... – начал было оскорбленный красавчик и умолк.
К общей радости.

– А вот теперь обращайтесь, – снизошел я.

– Когда мы вылетаем?

– Вы – завтра, я – чуть позже.

– Как мне вас найти?

– Никак. Свяжитесь с тамошней резидентурой и ждите.
Я сам вас разыщу.

– Как?

– Элементарно, Ватсон. Нам будут забронированы номера в одной и той же гостинице.

– Еще вопросы? – строго спросил Виктор Владимирович.

– Появятся, не сомневаюсь, после изучения всех документов по делу. Пока только один: тот оперативник работал самостоятельно или с ним был кто-то вроде Дениса?

– Его прикрывал мой друг, – нахмурившись, глухо проговорил атлет. – Он пропал.

– В таком случае прихватите с собой огнемёт, авиационную пушку и побольше гранат. Мстить будем страшно.

Глава 4

Морды из фиордов

Вытянув ноги, я немного подремал в кресле, благо летел бизнес-классом. Для того чтобы выбить туда билет, Сергеичу пришлось как следует поскандалить, потому что в родной Конторе в очередной раз задули свежие ветры перемен и экономии.

Проснулся, вызвал стюардессу, попросил кофе и получил его. Уселся поудобнее и постарался включить голову. Что мы имеем на сегодняшний день? Ничего хорошего, пока что ситуация всю имеет нас. В некоторой стране, как иголка в стоге сена, запрятаю некое изделие, тубус, который лучше не открывать. Изделие всю разыскивают, во-первых, естественно, штатники, во-вторых, местная полиция и контрразведка. Совсем не удивлюсь, если к этой «охоте за табуретками» подключились спецслужбы еще кое-каких стран, вернее, удивлюсь, если они этого до сих пор не сделали. Думаю, за здешним научным филиалом присматривали не только мы.

И еще. Как следует оценив важность потери, америкосы поступили в лучших традициях собственных вестернов, то есть назначили за него награду, целых семь с половиной миллионов долларов. Дурь какая-то, не начни они с самого начала «гнуть пальцы», легко получили бы его за полтора. Впрочем, это уже их проблемы.

Самое, казалось бы, время порадоваться очередному успеху заклЯтого стратегического партнера, только что-то не очень получалось. Если объявлена награда, да еще такая, на нее наверняка клюнут, и тогда к «параду идиотов» присоединятся работающие по найму или на самих себя дикие команды и просто отдельные ухари. Значит, в самое ближайшее время в этой тихой стране начнется маленькая, но очень противная война по афганскому сценарию, то есть – все против всех. Если уже не началась. И очень скоро, буквально через несколько часов, в эту мясорубку влезем и мы с милым мальчуганом Дениской, который так трогательно обещал не давать меня в обиду.

Скажу по секрету, в свое время меня неплохо обучили обижать других и не давать в обиду себя самого, так что лишние мускулы мне абсолютно ни к чему. А вот от дополнительной порции мозгов не отказался бы. И вообще, не мое это задание. Вот Кашей или тот же Грек, те справились бы на раз-два. Быстренько разыскали бы то, что спрятано, и увезли, да так, что никто бы и не понял, что, собственно, произошло. Беда только в том, что ни того ни другого задействовать уже не получится. Кашей два года назад погиб, а Грек, мой бывший друЖбан Толя Фиников, еще в конце прошлого века ушел на задание и не вернулся. Расстрелял напарника, захватил казенную денежку и растворился без осадка. Кстати, я и был тем самым напарником.

Зажглось табло с просьбой воздержаться от курения и

пристегнуть ремни. Я тут же послушно воздержался и пристегнул. Самолет плавно пошел на снижение.

Меня встречали. Приятный молодой человек в строгом темном костюме, держа в руках кусок картона с надписью RADKIN, вертел головой и нервно переминался с ноги на ногу. Я подошел поближе и поставил сумку на пол.

– Добрый день.

– Здравствуйте, Евгений Дмитриевич, – обрадовался он мне как родному, разве что не полез обниматься. – Я – Слава, Вячеслав Андрейко... – И протянул руку.

– Точно? – строго спросил я, не подавая руки.

– Шутите? – оторопел он.

– Не привык. Предъявите документы.

Мгновенно взмокнув, он принялся лихорадочно шарить по карманам. Достал платок, вытер лоб и щеки, поправил очки на носу.

– Сейчас, сию минуту. Где же он, черт, извините. – И опять полез в карманы.

– Да шучу я, Слава... – хохотнул я и протянул руку. – Пошли.

– Да, конечно, – облегченно выдохнул он, – пойдете. – И тронулся к выходу из зала с моей сумкой. Я степенно следовал за ним.

Мы подошли к скромному синему «Вольво» с местными номерами. Мой сопровождающий открыл багажник.

– Брось на заднее сиденье, – распорядился я, а сам открыл переднюю дверцу и уселся.

Парень поставил сумку и, сев за руль, смущенно посмотрел на меня.

– Мне кажется, Евгений Дмитриевич, вам будет удобнее сесть назад, – робко проговорил он.

– Крути баранку, Славик! – через губу бросил я, вольготно раскинувшись на сиденье.

– Куда едем?

– Еще спрашиваешь, в посольство, конечно же.

Меня уже начал забавлять этот цирк лилипутов и мальчуган из его труппы, бездарно прикидывающийся сотрудником резидентуры. Настоящий В.К. Андрейко – точно того же возраста, но сантиметров на семь пониже и килограммов на десять пухлее. Кроме того, он изрядно близорук, а не таскает просто так на носу очки с обычными стеклами. И уж конечно, не носит оружия на правом боку под пиджаком.

Можно, конечно же, было сразу послать этого красавца на фиг и идти ловить такси, только... Только как-то уж слишком быстро на меня вышли какие-то совершенно левые ребята. Я, конечно, не рассчитывал, что этого не произойдет, но события стали развиваться чересчур уж стремительно. В общем, возникли вопросы, их я и собрался задать.

– Как вообще обстановка? – непринужденно поинтересовался я, закуривая.

– Нормально, – ответил «Славик» и сглотнул, видно, то-

же хотел курить. Достал платок и вытер лицо, хотя в машине было довольно прохладно. – Работаем. – Паренек явно нервничал.

– Наши как?

– В порядке.

Я посмотрел в зеркальце заднего вида. Хвоста вроде не было, не считая скромного темно-зеленого «Фиата» с затемненными стеклами. Он шел за нами от аэропорта.

– Арсеньич еще не на пенсии? – Человек с этим отчеством действительно дослуживал последний год перед выходом на заслуженный отдых, только не здесь, а в Кении.

– Работает, – не моргнув глазом, ответил он.

– Все еще садовник или дослужился до старшего?

– Садовник, – кратко ответил «Славик» и свернул не туда.

Пересек улицу и остановился в тупике. «Фиат» тоже замер метрах в тридцати.

– Что случилось? – забеспокоился я.

– Что-то желудок прихватило, – пояснил он. – Откройте, пожалуйста, бардачок, там таблетки. – И расстегнул пиджак.

– Сейчас. – Я протянул левую руку к бардачку и тут же коротко пробил с правой. Мой спутник дернулся и затих...

– Такие вот дела. – Резидент тяжело вздохнул и положил руки на стол. На левой ладони ностальгически синел небольшой якорек.

Еще один моряк на суше. Капитан первого ранга, который

вряд ли станет адмиралом. По отзывам тех, кому я доверяю, толковый профессионал и порядочный мужик. Несколько лет назад ему здорово не повезло в Штатах, с тех пор он просиживает штаны здесь, на задворках, в тишине и покое. Впрочем, покой уже закончился.

– Как это было?

– Его машину слегка стукнул микроавтобус. Водитель бросился к нему извиняться, Слава приоткрыл окошко, все, больше ничего не помнит. Очнулся где-то через час и сразу же отзвонился.

– Ладно, об этом потом. Расскажи об обстановке в целом.

– Как говаривал классик, пожар в публичном доме во время наводнения. – Он опять вздохнул.

Мы сидели вдвоем в специальном кабинете, напичканном хитрой аппаратурой, начисто исключающей возможность подслушки и подглядки.

– А поконкретнее?

– Можно и так. – Резидент извлек из кармана два пакетика и выложил передо мной на стол. – Любуйся.

– Ух ты! – Крохотные, явно не кустарного производства, чудеса специальной техники: микрофон, передатчик и магнитофон, все в одном флаконе и в двух экземплярах.

– Вот этот, – ткнул он пальцем в один из них, – я позавчера обнаружил в своей машине. А вот этот – в рабочем кабинете.

– Нехило! На кого грешишь?

– Как учили, на всех.

– А если серьезно?

– Даже сам не знаю, – развел он руками.

– Сколько штыков в твоей команде?

– Шесть, я седьмой.

– Давай-ка поподробнее, Боря.

– У двоих папы работают генералами, один, есть такой Костик, мутный паренек, занимается исключительно бизнесом.

– Убрал бы.

– Рад бы, не дают, – поднимая глаза к потолку, хмыкнул он.

– Дальше.

– Еще двое – совсем зеленые, только после учебы. Стараются, конечно, только толку от них пока, ну, сам понимаешь.

– Доверенный, получается, Славик?

– Получается. Хотя ты вправе не доверять ни ему, ни...

– Не вставай в позу. Скажи лучше, ты адмирала Терехина помнишь?

– Андрея Степановича?

– Его самого.

– Спрашиваешь!

– Передает привет.

– Мерси.

– На здоровье. Кстати, как у вас, у водоплавающих, называется адмиральская звезда?

– «Муха».

– Велено передать, что если все пройдет как надо, приле-

тит и сядет тебе на плечо.

– Иди ты!

– Уже в пути. Что творится в городе?

– Выражаясь суровым языком отчетов и сводок, обстановка в столице сложная и напряженная. Второй зам здешнего полицмейстера – из флотских, когда-то ходил ХО¹ на эсминце. Лихой, говорят, был моряк, разбил ту миноноску при швартовке всмятку... Мы с ним, – скромно добавил он, – слегка сошлись на почве общего военно-морского прошлого. Встречаемся иногда, выпиваем.

– И?

– Здешняя столица по населению и площади меньше Мытищ. Такой тихий и сонный городок среди фиордов. Народец тоже не особо буйный. Преступного элемента с гулькин хрен, и весь он насквозь «просвечен». Если что случается, раскрывают обычно сразу, по горячим следам. А тут...

– Что тут?

– За последние трое суток – шесть трупов.

– Раскрыли?

– Хрен. Ни малейшей, понимаешь, зацепки. И, что интересно, все убитые – приезжие. Теперь еще и твой прибавился.

– Не думай обо мне плохо. – Я встал и подошел к компьютеру. Настало время, как говаривал прежний «гарант конституции», когда был в состоянии хоть что-то выговорить, как

¹ ХО, executive officer (англ.) – старший помощник.

следует поработать с документами.

Подключил нужную программу, напечатал в поисковике «Назим Сулейманов» и нажал ENTER.

Так, так, что у нас здесь? Назим Сулейманов, 1959 года рождения, татарин из Узбекистана. Крупный, светловолосый и, что интересно, светлоглазый человек на фото, больше похожий на скандинава, чем на азиата.

В восьмидесятом окончил факультет специальной разведки рязанского воздушно-десантного. Следующие два года провел в Афганистане. После этого отучился в нашей академии, далее – Ангола и Эфиопия. Недурно.

В девяносто втором присягнул на верность республике Узбекистан. В том же году в спешном порядке оттуда свалил, едва не угодив под трибунал за слишком «творческое» отношение к казенным сумам и тинам. Три года потом служил казахам, еще два – таджикам. До Туркмении наш интернациональный гвардеец так и не добрался. Ушел в бизнес, по имеющимся данным, приторговывал оружием. В девяносто восьмом попытался закрепиться в России, не получилось. В том же году уехал в Европу, набрал команду и принялся наемничать.

В связях с террористами и религиозными радикалами не замечен. Громких дел в послужном списке не имеет, но и старушек по подъездам не грабит, и в средствах особо не церемонится. В общем, не шпана, но и не Усама бен Ладен. Крепкий профессионал среднего уровня. Какого, спрашива-

ется, черта он во все это влез?

Во внутреннем кармане пиджака мелодично затренькал трофейный телефон. Я включил громкую связь:

– Да!

– Почто мальчонку покалечил? – спросили из трубки низковатым, с легкой хрипотцой, голосом. По-русски и без малейшего акцента.

– Плохо себя вел, – любезно ответил я. – Было сказано сидеть тихо, а он стал махать руками.

– Нехорошо.

– Кто бы спорил.

– Поговорить бы.

– Хочешь совет, Назим?

– Свалить из страны?

– Вприпрыжку, как добрый кенгуру.

– Рад бы, дорогой, но чуть позже.

– Тебе жить.

– Ладно, договорим, когда увидимся.

– Как скажешь.

Мы с Борисом переглянулись и синхронно пожали плечами.

– Ни хрена не пойму, – проговорил он, задумчиво разглядывая фотографию, – и чего он во все это полез?

– Аналогично, коллега, – отозвался я. – Знаешь что, сдайка ты этого деятеля своему корешу.

– Не вопрос. Чего еще изволите?

– Изволю. Сообщи мне хотя бы одну приятную новость.

– Запросто, – чуть заметно улыбнулся он, – этой ночью к нам прибывает «болван». Слышал о таких?

– Краем уха.

Глава 5

Старый друг страшнее новых двух

Шапок-невидимок, заявляю официально, в природе не существует, но стать малозаметным очень даже можно. Для этого вполне достаточно слиться с окружающим пейзажем. А потому следует вдумчиво и творчески отнестись к подбору гардероба. Если хотите сойти за своего среди работников банка, наденьте «простенький» строгий костюмчик, всего тысячи за три баксов. Вздумаете затеряться на нудистском пляже, снимите его и заодно все остальное и останьтесь в одних бакенбардах. Короче, будьте как все.

Старательно покрутившись перед зеркалом и внимательно себя осмотрев, я с удовлетворением отметил, что не зря вчера вечером пробежался по магазинам. В зеркале отражался персонаж, прикинутый по последней местной моде, то есть немодно, во все неяркое, однотонное и слегка мешковатое. Поправил очки на носу и, насвистывая марш метростроевцев, вышел из номера.

Постоял немного на свежевывытой мостовой, с удовольствием вдохнул совершенно не загазованный, с легким прикусом моря воздух. Удачно разминувшись со стайкой велосипедистов, пересек площадь и приземлился за столиком кафе на веранде. Следом за мной туда вошел Денис, прошел мимо и устроился через три столика. Мы уже встречались с

ним вчера. Он сидел на диванчике в холле отеля и делал вид, что увлеченно читает журнал. Увидев меня, рванулся было навстречу, но я, сделав страшное лицо, прошел мимо.

Подошедший официант поприветствовал меня на своем родном языке. Я улыбнулся и отрицательно покачал головой, он тут же перешел на довольно-таки приличный английский. Местный язык, скажу вам, это нечто, достойное истинного филологического экстремала. Жители других стран по соседству политкорректно называют его «болезнью горла». Действительно, как-то попробовал произнести на нем несколько фраз, едва не порвал голосовые связки.

Завтракать здесь принято серьезно, вот я и не стал стесняться, тем более что пообедал вчера чисто символически, а на ужин оприходовал бутылку коньяка под разговоры с резидентом Борисом. Приняв заказ, паренек удалился, очень скоро вернулся с подносом и принялся загружать мой столик посудой.

– Тусинд так², – кивнул я и с энтузиазмом принялся за дело.

Сытый и приятно отяжелевший, вольготно развалился на стуле. Долил в чашку кофе из блестящего кофейника и потянулся за сигаретой.

Завершился первый день командировки, пришло время подвести итоги и слегка, самую малость, огорчиться. Не ожидал, признаться, что с самого начала мне сядут на хвост, на-

² Тусинд так (*датск.*) – тысяча благодарностей.

деялся хотя бы немного побыть в тени. Где-то явно случилась протечка, то ли в Москве, то ли здесь, а, может, и здесь, и там. Если меня это и удивило, то не слишком. Так или иначе, моего задания вся эта лабуда не отменяет.

Будем работать, напустим немного тумана с дымом, недаром же сюда прислали «болвана».

Что касается «болванов»... Действительно, слышал о таких. Более двадцати лет назад вся контрразведка в Европе уже стояла от них на ушах. А дело было так. В некоей стране спецслужбы слишком сильно прижали советских военных разведчиков, настолько сильно, что под угрозу невыполнения встало святое для советского человека – ПЛАН работы. Центр ответил асимметрично и с некоторым юмором. В страну прислали полковника из политического управления ГРУ с задачей просто походить по столице и просто посмотреть по сторонам. И он, надо сказать, «погулял»: с грацией пьяного гиппопотама проверялся на каждом углу, завязывал шнурки, выпрыгивал на ходу из общественного транспорта и уходил из баров через окно в сортире. Собрал вокруг себя по ходу пьесы всю контрразведку с полицией, заодно с авиацией и военно-морскими силами: на той стороне на полном серьезе решили, что готовится суперакция. Освободившиеся от опеки советские военные разведчики в штатском на радостях «дали стране угля»: провели встречи, отработали тайниковые операции и просто пошпионили в свое полное удовольствие. А потом отправили в Центр грандиозное

«мерси» и просьбу присылать «болванов» почаще. Это же упражнение повторили еще несколько раз «на бис», пока на той стороне не дотумкали, что у этих русских, оказывается, есть не только мозги, но и чувство юмора. Спустя двадцать с лишним лет это «старое кино» решили прокрутить еще разок, здесь и сейчас.

Откуда лично я знаю о «болванах»? Этот трюк изобрел мой бывший шеф, адмирал Терехин. Вообще-то не он, а его верный помощник Паша Толмачев, адмирал просто приватизировал идею и выдал наверх как плод собственной оперативной мысли.

В кафе вошли трое, два двухметровых гориллоподобных блондина и невысокий хрупкий азиат. Один из блондинов занял столик у входа, второй прошагал в глубь кафе и приземлился по соседству с атлетом Денисом. Рядом с ним мой верный защитник смотрелся как крохотный щуплый «ботаник». Азиат подошел к моему столику и остановился.

– Доброе утро, друг мой. – Последний раз такой чудесный английский я слышал в Лондоне от диктора ВВС.

– Очень рад встрече. – Я встал, крошечная ладошка азиата утонула в моей. – Прошу вас... – придвинул ему стул.

– Благодарю. – Он присел за мой столик и достал из внутреннего кармана шикарную серебряную визитницу. – Позвольте представиться. – На стол передо мной лег золотистого цвета прямоугольник: «Дэвид Лю. Компания «Цзинь Тао», Гонконг». Ничуть не удивлюсь, что такая фирма действи-

тельно существует.

– Очень, очень приятно, – светски улыбаясь, произнес я.

Если бы у меня в душе были зубы, они бы точно все сразу заныли от злости. Именно такого противника мне не хватало для полного счастья. Сидящий передо мной маленький, щуплый, без ярко выраженных национальных признаков азиат был человеком крайне опасным, и я многое бы дал, чтобы в это самое время он находился подальше отсюда, желательнее, на другом континенте.

Полковник главного разведывательного управления народно-освободительной армии Китая, боевой оперативник с тридцатилетним стажем и, что самое хреновое, такой же «притворщик», как и я сам. У китайцев это называется «бяньсе лун»³. Один из самых опасных людей в Азии, и не только в ней.

– Кофе? – Я взялся за ручку серебряной емкости.

– С удовольствием, – ответил он и, сделав крохотный глоток, одобрительно кивнул.

– Как ваше драгоценное здоровье?

– Возраст, друг мой... – Буквально на моих глазах он вдруг взял да и постарел лет на двадцать, весь как-то обмяк и съезжился. Ничуть не сомневаюсь, что так же легко при необходимости он сможет лет на тридцать помолодеть. – А как вы?

– Тоже не молодею с годами.

³ Бяньсе лун (*кит.*) – хамелеон. Дословно: меняющий окрас дракон.

– Не скромничайте. Кстати, как вас зовут в этой жизни?

– Тысяча извинений, забыл представиться. Евгений Радкин, бизнесмен из Москвы. Нахожусь здесь на отдыхе.

– Понимаю вас, – улыбнулся он. – Чудесная страна, такой чистый воздух, такие милые приветливые люди. С ними приятно иметь дело...

Мне тут же стало до боли жалко тех несчастных, с кем будет иметь дело этот старый душегуб.

– А вы здесь по делу?

– Увы, – развел он руками, – исключительно по вопросам бизнеса.

– А это ваши деловые партнеры? – кивнул я в сторону одного из «шкафов».

– Ну что вы! – рассмеялся он. – Эти приятные молодые люди из частного охранного агентства обеспечивают мою безопасность.

Смешно. Обеспечивать его безопасность так же необходимо, как отгонять мух от летящего снаряда. Кроме всего прочего, мой собеседник считается весьма серьезным специалистом в вопросах ускоренной переправки на тот свет голыми руками и разутыми ногами. Поговаривали, что он владеет древними внутренними стилями национального боевого искусства, позволяющими убивать без прикосновения или легким хлопком. Уверен, на то, чтобы грохнуть обоих этих нордических здоровяков, он потратил бы не больше времени, чем я, чтобы просто высморкаться.

Нам доводилось встречаться несколько лет назад, и так сложилось, что враг у нас был общий. На мое счастье. Скажу честно, я тоже не подарок ко дню железнодорожника и кое-что умею, но господин Лю...

Впрочем, тогда его звали Юй Гуйлинь, и поначалу ситуация сложилась для него достаточно кисло. Противник не стал принимать стойку «журавль в траве» или «богомол слушает рэп», полковнику просто прострелили плечо, после чего заковали в наручники и посадили в подвал.

Я обнаружил его, уже свободного от железок, в компании двух здоровенных мертвых негритосов. У одного из них был вырван кадык, у второго проломлен череп. Вдвоем мы более-менее успешно разрулили ситуацию, и каждый в итоге получил свое.

Спустя почти год после всего этого мы случайно встретились, и он накрыл мне шикарную «поляну». Посидели мы, надо признать, как следует, а напоследок выпили за то, чтобы больше никогда не встречаться. Говорят, что китайцы совсем не умеют пить. Может, и так, но не все из них. В этого коротышку, помнится, влезло гораздо больше литра, а из-за стола он встал не намного пьянее, чем сел за него. Как все же жаль, что наши дорожки опять пересеклись.

– Все еще работаете на государство? – поинтересовался я.

– Год назад покинул службу, теперь я частное лицо, – глядя мне в глаза, соврал он. Нет, какой у него все-таки классный английский. Почему-то подумалось, что и с русским то-

же полный порядок... – Возраст, друг мой... Открыл фирму, живу под своим настоящим именем. – Как же, свое настоящее он, уверен, забыл уже в ранней юности. – А вы?..

– Всегда работал сам на себя. – Обожаю, черт подери, искренние беседы с приятными людьми.

– Очень хорошо. – Мой собеседник извлек из кармана массивный портсигар, очень похожий на золотой. Не успел он засунуть в рот сигарету, как рядом с ним нарисовался один из сопровождающих с зажигалкой.

– Какие воспитанные молодые люди, – заметил я.

– И очень милые, – подтвердил господин Лю, он же Юй, он же черт знает кто... – А у меня к вам деловое предложение.

– Касательно чего?

– Не обижайте меня. – На сей раз китаец не улыбнулся, а просто оскалился... – Вы же сами прекрасно понимаете, о чем идет речь. – Он вдруг повернулся и что-то резко произнес по-китайски.

Я скосил глаза вправо, там дело явно шло к хорошей драке. Вскочивший на ноги Денис, выпятив грудь, что-то угрожающе рычал и бил копытом. Блондин за соседним с ним столиком, спокойный и обманчиво-расслабленный, ласково улыбался в ответ. Услышав команду шефа, встал и послушно пересел за столик к напарнику. Денис торжествующе посмотрел на меня и усмехнулся. Чувствуя, как краснеют мочки ушей, я опустил глаза. Было очень стыдно.

– Предлагаю вам сотрудничество, – продолжил меж тем

мой собеседник.

– Что я должен делать?

– Как раз делать вы ничего не должны.

– Интересно.

– Стоимость этого безделья составляет сто тысяч долларов. Если вы присоединитесь на время к моей команде, ваш бонус возрастет до полумиллиона.

Я молча развел руками. Говорить дальше было нечего и не о чем. И так ясно, что сидящий передо мной человек по-прежнему работает на свою страну. Китайские спецслужбы всегда отличало трепетное отношение к казенным деньгам, и за прошедшие годы они не стали щедрее ни на юань. Если бы господин Лю вкалывал на самого себя, то не стал бы смешить собеседника суммами от одного до пяти процентов от цены вопроса. Совсем забыл сказать, со вчерашнего дня сумма вознаграждения за изделия составляла десять миллионов.

– Рад был увидеться и поговорить, – произнес я, пожимая крохотную и хрупкую на вид ладошку.

– Надеюсь, наша следующая встреча произойдет не скоро, – ответил он.

Лично я был только «за».

Не успели эти трое выйти, как к моему столику подскочил Денис и рухнул на только что освободившийся стул.

– Кто это был?

– Тебе лучше этого не знать.

– Я серьезно.

– Я тоже.

– Предлагаю вернуться в отель и обсудить.

– Обсудить что?

– Как что? План.

– План таков: сейчас ты возвращаешься в гостиницу, сидишь там тихо, ни с кем не ссоришься, просто ждешь меня. Вернусь, скажу, что надо делать.

Он что-то пробурчал себе под нос, встал и удалился. Расплатившись, я набросил светло-зеленую ветровку поверх футболки и вышел из кафе. Намечалась кое-какая работенка, а перед ней стоило немного прогуляться, посмотреть заодно, не идет ли кто следом, подумать о том о сем. Например, какое такое задание подбросить мальчику Денису, внешне прекрасному и в гневе ужасному, чтобы он не ныл и не болтался под ногами.

Глава 6

Нас утро встречает прохладой

Меня подхватили и «повели» на выходе из кафе. Никого из шедших за мной я, естественно, не видел, потому что не стал оборачиваться, выглядывать из-за угла и заниматься прочей дурью из репертуара театра слепых и безруких. Я их, таких красивых, просто чувствовал. А если так, настало время вспомнить подходящую инструкцию и действовать в полном соответствии с ней, любимой, или немного иначе.

Разведка, к слову сказать, – организация насквозь бюрократическая, каждый наш шаг, вздох, чих и пук определен соответствующим пунктом и параграфом. Так что любители ярких импровизаций могут в отношении нас лишними иллюзиями не заморачиваться, и вообще, хотите жить ярко, идите в бармены или диджеи, а у нас все как всегда, серо и буднично.

Перед тем как приступить к работе по специальности, согласно инструкции, необходимо обнаружить наблюдение за собственной персоной, а затем попытаться от него избавиться. Следующая за мной «наружка» знала об этом не хуже меня. То, что я никогда особо инструкциям и наставлениям не следовал и не собираюсь делать этого впредь, будет для нее сюрпризом.

...Я подошел к перекрестку, когда замигал желтый фона-

рик светофора. Дождавшись зеленого, рванулся к стоящей в правом ряду крошечной желтой микролитражке, открыл дверцу и уселся рядом с водителем. Автомобильчик взревел, вернее, взвизгнул моторчиком и тронулся с места. Бросил прощальный взгляд на сопровождавших меня. Зрелище того заслуживало.

Вам когда-нибудь доводилось видеть собаку, у которой из-под носа увели сахарную косточку? Потерявшая клиента «наружка» выглядит приблизительно так же: растерянно и огорченно. Два персонажа, с выпученными от удивления органами зрения, замерли у пешеходного перехода, один – с разинутым ртом, с вытянутой рукой – второй. Метрах в двадцати от этой живописной группы соблазненных и покинутых отметился еще один, средних лет азиат. Когда мы встретились глазами, он укоризненно покачал головой. Я, в свою очередь, стыдливо потупился: простите, дескать, дяденька, если чем обидел.

Через четыре квартала автомобильчик свернул налево, и мы оказались в старом городе. Улочки здесь такие узкие, что на них с трудом могут разойтись два человека, так что, если мои друзья задействуют транспорт, хрен он здесь проедет. А мы как-то проскочили и даже бока не оцарапали. Спустились по мощенной булыжником мостовой, свернули вправо, проехали еще немного и оказались у входа в парк. Выскочили из машины, галопом пересекли его и загрузились в стоящий возле автобусной остановки старенький серый «Опель»

с умеренно тонированными стеклами. Перед тем как тронуться, водитель повернулся ко мне, вольготно раскинувшемуся на заднем сиденье, и протянул руку.

– Рад встрече, сэнсэй.

Три года назад я в очередной раз трудился преподавателем в одной интересной «учебке», а водитель, невнятной внешности молодой мужик, учился в ней на «притворщика». «Сэнсэем» меня прозвали после ознакомительного занятия по искусству перевоплощения. Тогда, помнится, за полтора часа я умудрился предстать перед ребятами в образе зэка, прогрессивного российского политика, чиновника и мента. Напоследок притворился персонажем из просмотренного ими кунфу-боевика, сурового старого учителя китайского мордобоя. Ребята пришли в полный восторг от увиденного и тут же прозвали меня «сэнсэем», хотя правильнее было бы сказать «сяньшэн»⁴. Через месяц-другой они и сами кое-чему научились, схватывали, можно сказать, на лету. И вообще, способные были парни, жаль, что не доучились: программу закрыли.

– Назовите пароль, – строго сказал я, и мы оба расхохотались.

– Теперь вы Евгений?

– Точно, а ты – Костя... – В «учебке» он, если не ошибаюсь, был Антоном.

– Совершенно верно, к вашим услугам.

⁴ Сяньшэн (*кит.*) – наставник.

– Стыдно мне за тебя, Константин, не вышло из тебя разведчика. Работой не занимаешься, весь по уши в каком-то бизнесе. Вот, и резидент тобой недоволен. Так и сказал, мутный, мол, Константин парень.

– Это точно, – согласился он, – Я такой.

– Да уж. Ладно, давай, рассказывай.

– С чего начинать?

– С обстановки в резидентуре.

– Болото. Боцман наш, ничего не скажу, мужик правильный... – Если флотского офицера подчиненные называют «боцманом», значит, он действительно не сволочь, в противном случае подобрали бы какое-нибудь другое «погоняло».

– Но?

– Скучно здесь, вот он и задремал чуток.

– Решил его взбодрить?

– Вы это о чем?

– О «клопах». Твоя работа?

– Был приказ устроить небольшую встряску. Я и устроил, только...

– Только – что?

– Один из «клопов» всадили еще до меня.

– Где?

– В его рабочем кабинете на втором этаже.

– Красиво, блин, живете.

– Не то слово, – вздохнул он. – Боюсь, он на меня подумал.

Уж больно ему мой бизнес не нравится.

– Кстати, как успехи?

– Весь этот бизнес... – Он чуть слышно выматерился, но с большим чувством. – Достал уже!

– Что так?

– Вы как относитесь к селедке?

– В целом положительно, особенно ежели с лучком да под водочку.

– Вот и я раньше положительно, а теперь... – Он опять вздохнул. – Мне приказали поработать на одну московскую фирму. Вот и тружусь как проклятый, занимаюсь закупками.

– Чего?

– Рыбы, что здесь еще можно закупать.

– И как?

– Успешно. – Он опять выдал несколько слов, совершенно не достойных российского военного разведчика. – Селедка соленая, селедка копченая, она же маринованная. Жареная, блин, вареная, засахаренная, на хрен, с марципанами!

– Успокойся.

– Извините, сэнсэй, просто наболело. Все переговоры исключительно в рыбных ресторанах. Не успеешь сесть за стол, как ставят перед носом целый тазик с этой самой... селедкой. Кушайте, говорят, вер са венлиг!⁵

– Кушаешь?

– А что делать? Иначе обиды до потолка, как же можно не любить нашу селедочку? – Он вдруг резанул себя ладонью

⁵ Вер са венлиг (датск.) – пожалуйста.

по горлу: – Вот где она у меня! Пельменей хочу!

– Грустно, – посочувствовал я. – А мандарины закупать не пробовал?

– Так не растут.

– Ладно, считай, что я тебя пожалел. Вернемся к нашим баранам. О резиденте ты уже сказал, что по остальным?

– Два папенькиных сынка. Пьют, таскаются по бабам, бьют баклуши и ждут повышения.

– Дальше.

– Парочка молодых, только после академии. Первый раз за кордоном, все в новинку. Ни хрена, естественно, не умеют и не очень-то хотят научиться.

– Остается еще один.

– Капитан Андрейко, он же Славик.

– Что скажешь?

– Старательный, толковый, инициативный. Меня, кстати, презирает.

– Явно?

– Нет, что вы! Просто чувствую.

– Молодец, давай дальше.

– Понимаете, сэнсэй, – замялся он, – не хочется говорить о человеке дурно, тем более что и фактов-то нет, просто... наш Бецман часто вслух страдает по утраченной империи, особенно если выпьет.

– Интересно.

– Обидно ему, видите ли, раньше, мол, была великая дер-

жава, а сейчас... А Славик что-то уж слишком искренне ему подпевает. Можно сказать, тоскует навзрыд по бывшему величию, которого сам толком-то и не помнит.

– Мне тоже обидно, что с того?

– Вы об этом не кричите.

– Логично.

Мы замолчали.

Миновали поворот на аэропорт и вскоре въехали на мост.

– Куда это мы, Костя?

– В Швецию, здесь рядом.

Глава 7

Крутой и мертвый

– Приехали... – Окраина Мальме, где мы очутились, живо напомнила о родном отечестве: обшарпанные дома, мусор на тротуарах, общая заплеванность. Показалось даже, что кто-то неподалеку изящно выразился на «родном и великом». А может, и не показалось.

– Ничего себе!

– Именно так, сэнсэй. Раньше, говорят, был вполне приличный район, а сейчас здесь живут в основном иммигранты. Арабы, негры, соггу, афроскандинавы, албанцы, наши бывшие.

– То-то мне мат послышался.

– Вон тот дом, – указал он на пятиэтажку метрах в пятидесяти. – Второй подъезд, третий этаж, квартира семь «В». – Затем просунул руку в бардачок и извлек оттуда складную дубинку: – Пошли!

– Рация есть?

– Целых две.

– Тогда давай одну. Я схожу сам, а ты побудь в машине, а то еще угонят, чего доброго.

– Здесь это запросто. – Он протянул мне ключи и прямоугольную пластмассовую коробку.

– Не спишь, – кладя рацию в карман куртки, сказал я, –

смотришь по сторонам. Если что, даешь знать.

– Сэнсэй.

– Что?

– Возьмите, – передал он мне дубинку, – не помешает.

– А ты как же?

– У меня есть монтировка.

Две потертые личности на скамеечке перед подъездом лакировали пивком что-то более крепкое, третий дремал сидя. Когда я проходил мимо, никто даже не посмотрел вслед, больно я им был нужен. Сжав в кулаке дубинку, я шагнул в подъезд, поднялся по заплеванным ступенькам на этаж и, надев перчатки, открыл дверь. Остановился в прихожей и замер, прислушиваясь и приняхиваясь. Потом запер за собой дверь и приступил к работе...

Константин выбросил окуроч в окно и завел мотор.

– Как успехи?

– Никак. Сколько ты снял квартир под ту операцию?

– Три.

– Встречался с тем опером?

– Пару раз всего.

– Впечатление?

– Ник – серьезный мужик. Я даже сначала подумал, что из наших, в смысле, из «притворщиков»...

– Поясни.

– Правдоподобен в образе. Такой, знаете ли, «ботаник», маленький, пухлый и боится всех, кто выше ростом.

– Бойтся, говоришь?

– Не то слово. На него пару раз напарник рыкнул, так он едва не обделался.

– Напарник?

– Тим, такой амбал, лет двадцати пяти. Здоровый, ростом под потолок, и наглый, как менты на трех вокзалах.

– Понятно.

Начало темнеть. Я покинул третью по счету квартиру, остановился возле машины и закурил. Константин вышел из автомобиля и встал рядом.

– Куда теперь?

– Тут недалеко. – Я поднес рукав к носу и принюхался. – Сейчас докурю, и поедем.

– Куда?

– К «Русалочке», говорят, приносит удачу.

– А может, ну, ее? Жрать хочется, спасу нет.

– Жрать, говоришь? – Я опять понюхал, на этот раз отворот куртки. – Это мы всегда успеем, но сначала «Русалочка».

Маленькая бронзовая фигурка на камушке, лицом к морю и позеленевшей от времени спиной – к суше. Мы встали рядом и замерли на ветру в молчании. Потекли минуты.

– Может, все-таки поедем? – не выдержав, заныл Костя. – Холодно здесь, и, опять же...

– Давно пора, не знаю, что ты здесь забыл, – сварливо ответил я, принюхался к себе еще разок и довольно хмыкнул. – Ну, показывай, где у вас тут селедкой кормят. Шучу, едем в

Pasta Basta.

– Ура!!!

– А вот теперь – хоть на край света. – Сытый и повеселевший Константин повернул ключ зажигания и утопил кнопку прикуривателя.

– На край в следующий раз, отвези-ка меня в «Комфорт».

– Хорошая гостиница, – одобрил он, – никакого видеонаблюдения в номерах и на этажах, два запасных выхода и всего один детектив.

– Правильно рассуждаешь.

– Ваша школа.

– Помнишь, ты говорил о Тиме, ну, том амбале?

– Да, а что?

– Что у него с правым ухом?

– Смято, – ответил он и тут же встрепенулся: – Вы что, его встретили?

– Не так давно.

– Он до сих пор там?

– Угу.

– Что делает?

– Ничего особенного, лежит в целлофане в стенном шкафу и разлагается. Воняет страшно. Ты думаешь, я просто так у моря на ветру торчал? Одежду проветривал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.